

ПЛЕОНАСТИЧЕСКАЯ ЭКСПРЕССИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Майя Кузова

Пловдивски университет „Паусий Хилендарски“

PLEONASTIC EXPRESSIONS IN RUSSIAN AND BULGARIAN

Maya Kuzova

Paisii Hilendarski University of Plovdiv

The study deals with linguistic forms of expression and more specifically, the relation of pleonasm (as a basis for specific speech phrases) to expression and the artistic language source as a whole. The results of the research are presented through general and isolated conclusions about the analogy between the situations in the two languages, as well as their different tendencies to form similar to pleonastic structures.

Key words: assessment, emotion, linguistic expression, pleonasm, paradoxes of expression

Автора настоящих заметок давно интересуют особые языковые формы проявления экспрессии и способы ее выражения, предоставляющие непрерывно новый материал для рассуждений.

Примеры, которые заслужили конкретного к себе обращения, можно относить к проблеме и в узком, и в широком смысле. С одной стороны, это очередные нарушения логики сочетаемости языковых единиц, обнаруживающие бесспорную собственную специфику, с другой – иллюстрация тех же языковых излишеств, обсуждаемых нами и ранее, только в нонсенсном плане парадоксальности (Кузова 2004, 2007). Выходит, здесь и частное, и проявление принципа, к выявлению которого мы, в общей сложности, и стремимся, пытаюсь найти ответы на такие вопросы – с языковой окказией ли имеем дело, речевые ошибки ли это или нарушения нормы (какой – сочетательной, стилистической, предписанной прагматикой), а может, это проявления языковой ситуации, унификации, переосмысления, употребления

по аналогии или просто авторские (автора речи) манеры. Какова ситуация в двух языках (русском и болгарском), добавляет ли информации сопоставительное исследование? Как к „произволам“ экспрессии, вообще, относиться – отрицать, критиковать, сухо регистрировать, признавать за ними эффектность?

И, конечно, главный вопрос – можно ли во всем разнообразии языковых оригинальностей найти общее, найти принцип, т.е. **не образуют ли они систему**, отработанную манеру, которая располагает специализированным корпусом эмоционального реагирования. Начнем с последнего ответа – да. Нами были рассмотрены способы выражения экспрессии в русском и болгарском языках, их уровневые параметры, а также типичные направления переосмысления или фальсификации эксплицированного знака оценки в попытке выявить, классифицировать и описать именно системные ее проявления.

Экспрессия, как известно, это выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей и словообразовательными, и грамматическими, и лексическими средствами – некоторыми аффиксами, особой лексикой, „строптивым“ партнерством, яркими фигурами, ложными оборотами. Выводы, к которым привела долгая поисковая работа, весьма любопытны. При выражении оценки и ее степени (*хорошо* или *плохо* – *насколько*) идет переосмысление, причем на всех уровнях. В обоих языках это переосмысление закономерно идет по линии от знака „–“ к знаку „+“. Оценочная лексика с негативным знаком предпочитается в качестве экспрессивного средства для выражения положительной эмоции / оценки. Чем выше степень эмоции, тем чаще ее выражают лексемы полюсно противоположного значения, а негативная лексика выражает категорическое, безусловное, однозначное восхищение: **хорошо безумно** (*ужасно, чертовски, до боли, до смерти*) // **хубаво страшно** (*ужасно, убийствено, до смърт*). Негативная оценка тоже упирается в парадоксальность интенсификатора (*порядочный нахал, шикарно тупой* // *гениално тъп, възхитително прост*). Адмиративного, плюсового лимита, напротив, нет (**абсолютный умница* // **пълен красавец, *напълно умен*) (Кузова 2007).

На таком фоне и с такой отправной точки шла обработка представленного здесь материала – отмечена ожидаемая связь плеоназма, как основа речевого оборота, с экспрессией или, по меньшей мере, с артистическим языковым арсеналом. Даем себе отчет, что это вряд ли дает право категорически говорить о плеонастической экспрессии как таковой, а заголовок настоящей части общей работы имеет, вероятно, и более удачный вариант – плеонастические признаки и экспрессия.

Термин **плеоназм** в отношении интересующей нас проблемы употреблен несколько условно, и мы обязаны это оговорить. По определению **плеоназм** (из греческого „излишество“) – это, одним словом, многословие, но многословие, которое содержит идентичные или прозрачно близкие компоненты (слова и/или части слов). Их соседство расценивается как логически излишнее. Речь по такому определению идет о примерах с избыточными словами типа *час времени, знакомиться впервые, неожиданный сюрприз* или о периссологии – *отступить назад, спуститься вниз, подняться наверх, главный приоритет, совместное сотрудничество*. Эти и подобные выражения с большой долей справедливости можно определить как нехорошие излишества, т.е. речевые ошибки. Нарочно, однако, комментируются и исключаются из плеонастического поля случаи проявления намеренного гонения за стилистическим или коммическим эффектом – плеоназм считается мнимым, если он эмоционально ценен.

В настоящей работе расширено поле плеоназма как явления – исследуются как раз намеренно создаваемые плеоназмopodobные образования, случаи, когда плеоназм сознательно используется для эмоционального усиления эффекта высказывания. Отсюда вытекает ограничение от привычного мнения, что это просто употребление излишних слов, ничего не прибавляющих к уже сказанному или нарушение точности слога, которое чаще является дефектом и используется неосознанно. Даже если так, очевидно, нельзя обойти речевые ошибки, имеющие логическую основу. Следует заняться и художественными эффектами нарушения логических законов и правил. Плеоназм может как минимум добавлять экспрессии, и это далеко не препятствует точности речи.

Мы сознательно шли от гипотезы к ее доказательству примерами. Поводом для такого эксперимента послужил деликатно, но в то же самое время навязчиво напрашивающийся материал спорадически попадавшихся „разношерстных“ примеров в ходе поэтапного и странного изучения проявлений языковой экспрессии. В попытке, как отмечено было наверху, привести стройную *систему внесистемного*.

Далее коротко будут представлены результаты работы в виде общих и частных выводов, к которым приводят эти примеры¹. В целом, отмечается известное расхождение моделей в русском и болгарском языках. В отличие от остальных пунктов сопоставления (там при

¹ Обрабатываемые примеры выхвачены из устного общения, выписаны из художественной литературы, материалов масс-медиа и е-рекламы, из электронных языковых корпусов.

выражении экспрессии отмечается или аналогичность ситуации в двух языках, или превес русского артистизма), более заметную склонность к употреблению выражений с плеонастическим характером обнаруживает болгарский язык, разнообразия здесь тоже больше.

Вот некоторые конкретные образцы экспрессивных редупликаций:

При особом выражении количества в обоих языках закономерно соседствуют, но экспрессивно-тавтологичны фразы типа *очень много, чуть маловато, совсем немножко // малко малък, малко мъничко, съвсем мъничко*. Присутствие суффиксов „смягчает“, пытается уравновесить и парадоксальные фразы: *немножко (несколько, чуть) многовато // малко множко, малко големичък*.

Распространено, особенно в болгарском, дублирование неполноты квантора и именного суффикса (*малко дебеличък, малко мъничък, леко шантавичък, малко глуповат, леко слабоват, малко въздълъг*) или дублирование неполноты квантора и глагольного префикса (*малко се поизплаших, малко попрекалих, малко поизостанах, малко се поизложих*).

В русском продолжают *работать* традиционные и пространно описанные исследователями (и в сопоставительном плане) стандартные эпатажные способы дублирования эмоционального суффикса. Дополнительное усиление вносится и эксплицитным семантическим плеоназмом (прилагательным) – *маленький паренек, маленькая девочка, миленькое личико, крошечные глазки, старая старушка* – примеры, где тавтология доведена до предела. Дублирование маркера уменьшения не очень характерно для болгарского языка, примеры редкие, некоторые из них, отсюда, и яркие (*малко / мъничко момченце, малки искрици / искрички, малки очета, дребни очички*), часто в них возникает и дополнительное переосмысление фраз в иронические (*малка революцияка, малки човечета / човеченца*)². В русском вообще широко распространено явление избыточности, особенно что касается выражения эмоциональной оценки и степени качества. Проявляется один из законов словоупотребления, т.н. экспрессивно-стилистическое согласование – выразительность соседнего слова или всего контекста определяет выбор такого же выразительного слова: *моросил мелкий дождичек, темненькие волосики, кусочек хлебушка*. В переводе на болгарский такие конструкции следует „эмоционально“ облегчать (Васева 2006).

---

² Об этом см. и далее.

Типичны и очень фреквентны русские сочетания с маркером уменьшения и уменьшительным суффиксом имени, типа *чуть нагловатый, чуть голубоватый, чуть лиловатый, зеленоватый, чуть припудренный, чуть приоткрытый, чуть туповат, чуть маловато, чуть жутковато; несколько туповатый, несколько горьковатый, несколько маловат*³. Эта модель не так частотна и имеет ограничения в болгарском языке – отмечены примеры типа *леко тъпичък, леко тесничък, леко глуховат, леко глуповат, леко слабоват, леко странноват, леко позахабен, леко позабравен / малко поощен*, но нетипичны **леко червеникав, жълтеникав* (скорее *бледо жълтеникав*), неактивна модель * *леко възтъп*, окказионально встречается *леко въздълъг*. Наречные формы отмечены в обоих языках (*несколько поздновато, чуть рановато, чуть скучновато, чуть поразборчивее // леко късничко, малко раничко, малко страшичко*).

И в русском, и в болгарском редки противоположные примеры с тавтологичным (двойным) усилением (*очень / сильно переутомлен // много преуморен*), в болгарском наблюдается и наложение префиксов при дублировании уменьшительного маркером (*малко попресилен, малко попрехвален*).

Намного типичнее для болгарского отмеченное уже дублирование семы неполноты квантора и глагольного префикса (*малко се поувлякох, малко се поизцапах, малко се поизложих, малко се понапих, малко се пообърках, малко се понадигнах, малко се позатичах, малко поизостанах, малко понакуцавах, малко ме побийваше, малко го пооправих, малко го поокастрих; малко поработих, леко понамалих, леко / едва се понадигнах, леко се понапънах, леко се поизморих, леко се постреснах, леко се поизплаших, леко се поувлякох, леко се поукротих*) и т.д. За небольшими исключениями модель обслуживает пейоративный спектр называемых активностей. Русские примеры свободны от таких ограничений, встречаются реже, причем исключительно с маркером *чуть* (*чуть помахивал, чуть прихрамывал, чуть приотстал, чуть припогасло (сияние), чуть приподнял (голову), чуть присел, чуть / несколько приубавил (скорость), чуть приулыбнулся*). Без маркера неполноты эти застывшие в дублетном варианте выражения звучат непривычно – тавтология ожидаема и, в таком смысле, практически обязательна, особенно в болгарском языке.

И в болгарском, и в русском (даже типичнее) отмечено и второе смягчение маркера – *лекичко се пораздига (мъглата), лекичко се по-*

³ При нетипичности моделей *чуть мал / несколько мал*.

*размърдаха, лекичко се пораздиплиха (облаците), мъничко попреха-калих*⁴ // русск. *чуточку приврал, чуточку пооблысел, чуточку приопоздал, чуточку подбодрил (себя), чуточку похитрил, (ноги) чуточку подломились*. В подтверждение уже сказанного наверху, русский язык допускает и последующее наслоение оттенка степени – *самую чуточку подправить, лишь чуточку приукрасить, лишь чуточку вяловат*.

Любопытно и специфическое переосмысление оборотов, типа *момченце мъничко, детенце малко, приятелче малко, съвсем мъничко експертче, мънички медийчици* и подобные (вроде дружеские) выражения, в которых тавтология ласковых маркеров может нагнетать пейоративность (особенно при поддержке семантики поясняемого слова) и однозначно превратить фразы в критики или злостные угрозы. И *мальк мръсник, мальк доносник, дребен хитрец* хуже, чем просто *мръсник ...* (Кузова 2004).

Немало, особенно в болгарском языке, фраз, которые построены на явной или скрытой тавтологии, типа *свой собствен, единствен, абсолютно никакво, голямо болшинство, максимално много, напълно достатъчно, напълно абсурдно, напълно безплатно, напълно прав, напълно / съвсем естествено, съвсем завинаги, съвсем окончателно, съвсем сам, съвсем друг, най-гигантски, най-култов, най-внезапно, супермного* // русск. *совсем навсегда, совсем окончательно, совсем бесплатно, совсем сам, совершенно один, совершенно исключительный, достаточное основание, самый полный, большое болшинство*⁵ как окказиональные свидетельства оригинальности эмоциональной фразы. К некоторым мы достаточно привыкли, хотя в них подтверждение крайней степени того, что не обладает собой степени – в поле излишеств (в широком смысле) имеют место фразы, комментирующие качества, не предполагающие остепенение, но традиционно включаемые в шкалу градации, типа *съвсем обикновен, абсолютно никой, абсолютно нормален / ненормален, напълно непознат, напълно естествен, крайно недостатъчно, съвсем нищо, съвсем празен, съвсем друго, съвсем мъдро, съвсем нов* // русск. *абсолютно никто, абсолютно новый, совсем новый, совсем пустой* (см. и приведенные уже примеры).

---

⁴ Интересно, что следующая ступень интенсификации уже закономерно упирается в парадокс – *много леко, много лекичко, много малко, много мъничко*.

⁵ Как было уже отмечено, для русского языка дублирование признано нормой (*впутался в неприятное дело*).

Иногда налицо эксплицитное паразитное дублирование сем качества и его маркера (*поразительно странен, удивительно особен, удивительно любопытен, исключительно рядък, исключительно оригинален* // русск. *потрясающе любопытный, удивительно странный...*) из-за предельного сближения с амбивалентной высокой степени оценки вообще.

Опять-таки в болгарском языке преобладает идиоматика, основанная как раз на экспрессии тавтологии – *глупак с глупак; подлецьт му с подлец; глупак на глупаците; не глупак, ами глупак; глупакът си е глупак / нищо и никакъв, не нищо, ами нищо; нищо, ама нищичко* // русск. *дурак дураком, дурак есть дурак*.

Выражения плеонастического типа, бесспорно, расположены в подступах языковой экспрессии, т.е. имеют к ней прямое отношение. Порой именно плеоназм создает фразу и пропуск повторяемого невозможен или непривычен.

Как общий вывод (для обоих языков) следует отметить, что употребление языковых излишеств и собственно тавтологии распространяется или на нейтральные (реже), или на отрицательные характеристики/оценки. Примеров не масса, и это тоже само по себе вывод показательный. Оказывается, плеонастическое дублирование, а значит **подобие** не так уж сильно увеличивает экспрессию и не обязательно рождает пиковую. Подтверждается начальный вывод, что эпатаж и эмоциональный заряд несет **не подобие** (повтор, тавтология), а **столкновение** (алогизм, парадокс), где стыкуется несовместимое: *бесконечно мало, очень мало, очень немного* // *безкрайно малко, много малко, малко много, малко голям; откровена заблуда, шокиращо достъпен, ужасно свестен, ужасно умен*.

ЛИТЕРАТУРА

- Васева 2006:** Васева И. *Умалителност. Експресивност. Емоционалност*. София, 2006.
- Кузова 2004:** Кузова М. Парадоксы экспрессии (замаскированная пейоративность в болгарском и русском языках). // *Динамика языковых процессов: история и современность* (к 75-летию со дня рождения профессора П. Филковой). София, 2004, с. 185 – 199.
- Кузова 2007:** Кузова М. Оценка и (ее) степень – философия их выражения в русском и болгарском языках. // *Русский язык в сопоставлении с другими языками. Перевод – взаимодействие языков и культур*. XI Конгресс

МАПРЯЛ. „Мир русского слова и русское слово в мире“. Том V. София: Heron Press, 2007, с. 141 – 146.

Шаховски 2008: Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. Москва, 2008.

Источники

Корпус параллельных русских и болгарских текстов (ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“) – <<http://rbcorpus.com>>

Национальный корпус русского языка – <<http://ruscorpora.ru>>